

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Теоретические основы квалификации преступлений»

Студент

Д.С. Морозов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, О.Ю. Савельева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Аннотация

Роль квалификации преступления в процессе применения уголовно-правовой нормы сложно переоценить. Сопоставление фактических обстоятельств дела с признаками состава преступления, предусмотренными уголовным законом производится на важнейших стадиях уголовного процесса: предварительном расследовании, судебном разбирательстве. Высокая значимость данного института предопределяет и сложности его теоретического осмысления. Так, до сих пор в науке единства мнений относительно института квалификации преступлений не наблюдается.

Цель бакалаврской работы – провести комплексный анализ теоретических основ квалификации преступлений.

Для реализации данной цели необходимо будет решить следующие задачи: исследовать вопросы квалификации преступлений по объективным и субъективным признакам состава преступления; рассмотреть проблемы квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм; проанализировать проблемы квалификации преступлений при особых формах преступной деятельности, а также ошибки, возникающие на стадии судебного разбирательства; выработать предложения по преодолению спорных вопросов и ошибок при квалификации преступлений.

Структура бакалаврской работы определена ее целями и задачами и включает в себя введение, две главы, пять параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Состав преступления как основа квалификации преступления	6
1.1 Квалификация по объективным признакам преступления	6
1.2 Квалификация по субъективным признакам преступления	15
Глава 2 Проблемы квалификации преступлений	29
2.1 Проблемы квалификации преступлений в соучастии	29
2.2 Проблемы квалификации преступлений при множественности преступлений	39
2.3 Проблемы квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм	42
Заключение	51
Список используемой литературы и используемых источников	56

Введение

Квалификация преступлений занимает особое место в правоприменительной деятельности и заключается в сопоставлении фактических обстоятельств дела с конкретной нормой права. То, каким образом она осуществляется, зачастую зависит назначения справедливого наказания, соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Данный процесс наличествует на различных этапах уголовного процесса: при возбуждении уголовного дела, назначении наказания и прочее.

В то же время практический аспект квалификации преступлений неразрывно связан с теоретическим анализом основ данного процесса. Стоит отметить, что в ряде случаев лишь благодаря теоретическим исследованиям представляется возможным разрешить спорные ситуации, либо предложить устранение существующих законодательных пробелов.

Вместе с тем, относительно теоретических основ квалификации преступлений единства мнений не наблюдается, в науке ведутся многочисленные споры, авторами предпринимаются попытки урегулирования отдельных видов квалификации преступлений в соучастии, при множественности преступлений. Научная литература насыщается множеством идей и концепций на сей счет.

В этой связи настоящее исследование представляет актуальность по причине обобщения существующих взглядов, а именно комплексного исследования теоретических вопросов, а также практики квалификации преступлений, что в свою очередь позволит предложить собственные пути решения существующих проблем.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере применения уголовно-правового закона.

Предметом настоящего исследования являются нормы действующего Уголовного кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ и труды

научных исследователей, посвященные проблемам квалификации преступлений.

Цель бакалаврской работы – провести комплексный анализ теоретических основ квалификации преступлений.

Для реализации данной цели необходимо будет решить следующие задачи:

- исследовать вопросы квалификации преступлений по объективным и субъективным признакам состава преступления;
- рассмотреть проблемы квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм;
- проанализировать проблемы квалификации преступлений при особых формах преступной деятельности, а также ошибки, возникающие на стадии судебного разбирательства;
- рассмотреть проблемы множественности преступлений;
- выработать предложения по преодолению спорных вопросов и ошибок при квалификации преступлений.

Методологическую основу настоящего исследования составят: общий диалектический метод, логический метод, метод наблюдения.

Теоретическую основу исследования составили труды таких ученых, как: М.К. Каранович, М.В. Лебедева, В.П. Кашепова, М.А. Атальянца, Е.В. Рогова и ряда других.

Бакалаврская работа состоит из введения, трех глав, объединяющих пять параграфов, заключения и список используемой литературы и используемых источников

Глава 1 Состав преступления как основа квалификации преступления

1.1 Квалификация по объективным признакам преступления

Квалификация преступления — это юридическое установление соответствия фактических обстоятельств (признаков) общественно опасного деяния признакам состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой [43, с. 9].

В литературе процесс квалификации условно делят на три этапа.

В ходе первого этапа надлежит как можно полно и правильно установить фактические обстоятельства совершенного деяния. В свою очередь, эти обстоятельства группируют по соответствующим элементам состава преступления.

В процессе второго этапа квалификации полномочный орган государства устанавливает норму закона, в которой описывается состав преступления по своим признакам (элементам) подпадающий под установленные фактические обстоятельства. Перед тем как применить ту или иную норму должностному лицу необходимо будет проверить её на подлинность, актуальность, действие во времени и в пространстве. Необходимо будет выявить все признаки состава преступления, которые содержатся как в Особенной части, так и Общей части уголовного закона.

Третий этап заключается в сопоставлении фактических обстоятельств дела, имеющие юридическое значение с признаками состава преступления, содержащимися в выбранной норме. Принято сначала сопоставлять объективные признаки состава преступления [7, с. 161-162].

Следует отметить, что в литературе также существует множество точек зрения относительно того как надлежит и как правильно производить квалификацию преступлений. Изложенное нашло свое отражение в «Правилах квалификации». В частности, отмечается, что в процессе квалификации

необходимо использовать законы логики; общие и специальные правила квалификации т.д. Существуют также правила, в какой последовательности необходимо производить квалификацию преступлений. В частности, некоторые исходят из того, что начинать следует с объекта преступления, затем устанавливать объективную, субъективную стороны и субъект преступления. Данная точка зрения считается наиболее приемлемой и одновременно с этим распространенной.

Под юридической основой наступления уголовной ответственности следует понимать состав преступления [43, с. 11]. Между тем, в литературе можно встретить иные позиции. Так, А.И. Бойко отмечает, что состав преступления является своеобразной формулой расследования [2, с. 105]. С.А. Ходжалиев предлагает рассматривать данную правовую категорию в качестве скелета реального преступления, включая только наиболее типичные и существенные признаки, определяющие один вид или тип преступления и отличающие его от других [46, с. 1070].

Состав преступления выступает в качестве одного из основных институтов Общей части Уголовного права. При этом в науке нет легального определения данного института, что, по мнению М.С. Сирик, вызывает определённые сложности при трактовке данного понятия [37, с. 66].

В условиях отсутствия легального определения состава преступления приходится руководствоваться единственным указанием законодателя по поводу данного института, которое содержится в ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации. «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» [44].

Вместе с тем, в литературе можно встретить единство мнений по поводу признания состава преступления как совокупности объективных и субъективных признаков, описывающих в УК общественно опасное деяние в качестве преступления [43, с. 78].

Так, объективная сторона представлена в виде совокупности четырех ее элементов: действие или бездействие, посягающее на определенный объект уголовно-правовой охраны; общественно-опасные последствия; причинная связь между действием (бездействием) и наступившими последствиями; способ, место, время, обстановка, орудия и средства совершения преступления.

Нельзя не согласиться с П.Н. Кобец, что признаки объективной стороны представляют собой «совокупность внешних, объективных, социально значимых, выражающих общественную опасность и ее степень, существенных, типичных для данного вида преступлений признаков, предусмотренных уголовным законом и – при бланкетности диспозиции статьи Особенной части УК РФ – в других законах и (или) иных нормативных правовых актах, характеризующих преступление как оконченное и совершенное исполнителем (соисполнителями)» [10, с. 188]. Действительно, признаки объективной стороны, отражая внешний характер фактических обстоятельств дела, позволяют правоприменителю на «первый взгляд» оценить подпадают они под определенный состав преступления, описанный в законе или нет. Изложенное имеет место при возбуждении уголовного дела. На практике, необходимость в сопоставлении фактических обстоятельств с признаками состава преступления, может потребоваться, например, когда не установлено подозреваемое лицо. То есть по факту поступившего сообщения о преступлении и проведения проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ по её результатам следователь или дознаватель при наличии лишь некоторых признаков состава преступления может возбудить уголовное дело. В таком случае, может быть не установлен умысел лица, мотив, то есть, не установлена субъективная сторона преступления. Отсутствие таковых в полной мере может иметь место и после возбуждения уголовного дела, к примеру, по нераскрытым преступлениям, по которым было совершено убийство, проведена экспертиза, свидетельствующая о насильственном характере смерти, но не установлено лицо виновное в совершенном преступлении.

Вместе с тем, только впоследствии установленные признаки субъективной стороны преступления позволят направить уголовное дело в суд. Таким образом, в приведенных ситуациях первоначальная квалификация будет производиться по объективным признакам состава преступления. На сей счет М.С. Сирик справедливо отмечает, что «основание наступления уголовной ответственности имеет место лишь в тех случаях, когда лицо совершает деяние, т. е. внешне выраженное поведение в форме действия или бездействия» [37, с. 64]. Именно поэтому можно говорить о первоначальном характере объективных признаков состава преступления, но не о приоритетном, поскольку их установление в первую очередь обусловлено сущностной особенностью, которая заключается во внешней форме выражения. В то же время сложно представить себе принятие процессуального решения на основании полученных данных лишь о субъективных признаках преступления. К примеру, лицо призналось в совершении убийства, но труп лица отсутствует, не установлен.

Обязательными следует именовать ряд признаков объективной и субъективной стороны, такие как: объект преступления; объективная сторона; субъективная сторона; субъект. В свою очередь, каждый из перечисленных элементов обладает обязательными и факультативными признаками.

Для квалификации преступлений значение приобретает разграничение объекта преступления на родовой, видовой, непосредственный основной объект. Могут также влиять на квалификацию преступлений непосредственный дополнительный объект, непосредственный факультативный объект, а также предмет преступления и потерпевший.

В литературе некоторые авторы не рассматривают объект как составляющую часть состава преступления. Отмечается, что последний находится вне преступления, поскольку «позитивное явление в виде охраняемых законом общественных отношений не может быть составной частью, элементом, признаком ассоциального явления и понятия «состав преступления»» [13, с. 34].

При этом объект преступления представляет собой «то, на что посягает субъект преступления, чему причиняется или может быть причинен вред» [6, с. 70].

Как ранее было отмечено, объект преступления определяется на первом этапе квалификации преступлений и после установления других признаков объективной стороны преступления, определяются субъективные признаки. В этой связи можно говорить о том, что данный признак возглавляет процесс квалификации. В том же случае, когда объект преступления будет определен неправильно, вся последующая деятельность будет бессмысленна. Так, первоначально следует установить родовой (видовой) объект преступления, после – непосредственный, определить охраняются ли общественные отношения уголовным законом.

Так, гражданин Р. осужден Советским районным судом г. Краснодара по п. «б» ч. 3 ст. 159 УК РФ за хищение имущества ЗАО Сахарный завод «Свобода» путем обмана и злоупотребления доверием. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор в отношении него отменила, дело прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления. Материалами дела установлено, что Р. принял на себя обязательство возвратить сахар ЗАО Сахарный завод «Свобода», однако свое обязательство не выполнил. Судом установлен лишь факт причинения Р. ущерба, от возмещения которого он не отказывался, что и явилось предметом гражданско-правового спора [21].

В рассматриваемом случае правоприменитель неправильно определил характер общественных отношений между двумя хозяйствующими субъектами, что привело к квалификационной ошибке. Необходимо отметить, что каждое преступление, так или иначе, посягает на общественные отношения.

Вместе с тем, рассматривая определенные общественные отношения в качестве объекта преступного посягательства, имеются в виду только те, которые охраняются уголовным законом [15, с. 23].

Безусловно, для целей квалификации объект преступления имеет особое значение, поскольку в корне позволяет отделить одно преступление от иного или наоборот сгруппировать, определить схожие по объекту преступления. К примеру, не возникнет никакой сложности при разграничении изнасилования и мошенничества, поскольку в первом случае объектом посягательства выступает половая свобода и половая неприкосновенность личности, во втором же – имущественные отношения.

В науке уголовного права не наблюдается единства мнений относительно соотношения понятий «объект преступлений», «предмет преступления» и «потерпевший».

В свою очередь предмет преступления следует рассматривать как элемент объекта преступления и одновременно с этим факультативный признак объективной стороны. Последний не наличествует в каждом составе преступления. Под предметом преступления следует понимать вещи, предметы, ценности и всё то, что имеет материальную оболочку. Вместе с тем на практике определение предмета преступления может создать некоторые трудности. Так, В.В. Колосовский в одном из своих трудов анализирует ошибки, допускаемые при квалификации преступлений. Автор отмечает, что в ряде случаев правоприменители, а именно следователи и дознаватели «полагали, что санитарные книжки у лиц, занимавшихся розничной торговлей продуктами питания, если в них содержатся сведения не соответствующие действительности, являются предметом преступного посягательства» [11, с. 24]. При этом нельзя не согласиться с автором, что «судебной практикой указанные санитарные книжки не признаются в качестве предмета преступного посягательства, поскольку не являются официальным документом, выдаваемым от имени государства» [11, с. 24]. По такому же принципу не следует рассматривать в таком качестве проездные билеты на городском транспорте. Следует учитывать, что в общественных отношениях не наличествует государственная власть, в этой связи предмет преступления,

который является элементом объекта преступного посягательства, также не будет наличествовать [11, с. 24].

Помимо прочего, в качестве факультативного признака объективной стороны следует рассматривать потерпевшего. Стоит отметить, что некоторые исследователи отождествляют его с предметом преступления, другие – с признаками объекта. По мнению И.Л. Третьякова и И.Ю. Жабина не следует отождествлять понятия «потерпевший от преступления» и «предмет преступления» [42, с. 150]. Авторы исходят из того, что законодатель в диспозиции статей не раскрывает объект преступления (общественные отношения, охраняемые уголовным законом) полностью, называя лишь некоторые его признаки. В том случае, если законодатель в диспозиции правовой нормы указывает одни признаки, можно через них установить и другие, определив тем самым объект преступления в полном объеме. Кроме того, в норме могут раскрываться основные и дополнительные объекты [42, с. 150-151].

Наличие потерпевшего лица в уголовно-правовой норме позволяет установить те общественные отношения, на которые преступление посягает. «Например, в ст. 299 УК РФ указывается признак потерпевшего, а именно заведомая невиновность. Проанализировав положения закона с учетом этого признака, можно определить объект – общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления правосудия» [42, с. 151]. Отмечается также, что, как и предмет преступления, потерпевший является элементом общественного отношения, охраняемого уголовным законом, а именно выступает признаком объекта преступления. «Но потерпевший – это социальный субъект, участник общественных отношений, а предмет – это материальное или идеальное благо, по поводу которого существуют общественные отношения между субъектами» [42, с. 153]. Так, «не существует ни одного охраняемого уголовным законом отношения, в котором социальный субъект выступал бы предметом такого отношения» [42, с. 153].

Объективная сторона преступления образуется посредством следующих элементов:

- деяние, выраженное в форме действия и бездействия;
- общественно опасные последствия;
- причинная связь между деянием и общественно опасными последствиями;
- условия времени, места обстановки, способа, орудия и средства совершения преступления.

Стоит также отметить, что лишь деяние выступает в качестве необходимого признака преступления, остальные же законодатель может использовать при описании не всех, а только некоторых преступлений.

При этом уполномоченному государством органу необходимо будет установить не только отдельные признаки объективной стороны, а их совокупность и взаимозависимость. Важно понимать, что осмысление категории состава преступления не сводится к наличию его признаков самих по себе, а к их обязательному единству, взаимосвязи и упорядоченности. Состав преступления представляет собой систему и даже без одного элемента говорить о его наличии невозможно. В том случае, когда правоприменитель производит первоначальную квалификацию по признакам лишь объективной стороны преступления, впоследствии необходимо будет установить и другие признаки (умысел, мотив и т.д.). В противном случае предварительное расследование по уголовному делу должно будет прекращено за отсутствием в действиях лица состава преступления, а дело, рассмотренное в суде, подлежит передаче для производства дополнительного расследования.

Так, преступление совершается определенным способом или определенными орудиями и средствами, в определенном месте и в определенное время. «В момент совершения преступления ему неизменно сопутствует и определенная обстановка. Кроме этого, преступление неизбежно влечет за собой наступление определенных социально вредных последствий. При этом общественно опасный результат может лишь тогда

быть признан последствием преступления, когда он причинно связан именно с данным (действием, бездействием) человека. Указанные обстоятельства деяния и его последствия, причинная связь между ними, способ, орудия, средства, место, время и обстановка относятся к внешней, объективной стороне состава преступного посягательства» [39, с. 59].

Можно высказаться о том, что квалификация преступлений в ряде случаев не связывается с обязательным установлением всех признаков объективной стороны. Так, законодатель может установить приоритет перед некоторыми элементами, описывая в уголовно-правовой норме лишь таковые. Правоприменитель будет понимать, что именно нужно доказать в ходе предварительного расследования для того, чтобы квалифицировать действия лица по определенной статье Особенной части Уголовного кодекса РФ.

К примеру, уголовно-правовая норма может не содержать описания конкретных преступных действий (бездействий), а указывать на конкретный общественно-опасный результат. В таком случае, способ совершения преступления может быть любым, за исключением описания такого способа в квалифицированном составе преступления, характеризующим повышенную общественную опасность содеянного. Примером изложенного является умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом (ч. 2 ст. 167 УК РФ). При этом иные способы уничтожения или повреждения имущества кроме предусмотренных ч. 2, должны будут квалифицированы по ч. 1 ст. 167 УК РФ.

В том случае, если законодателем в уголовно-правовой норме описывается конкретный способ совершения преступления, последний преобразуется из дополнительного (факультативного) признака объективной стороны в обязательный (основной).

В диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ может быть указано несколько действий или несколько общественно-опасных последствий. В таком случае для квалификации по такой статье необходимо установить тождество между фактическими действиями лица и одним из

вариантов незаконных действий описанных в законе. Примером изложенному выступают ст.ст. 222, 228 УК РФ.

Данные статьи предусматривают несколько альтернативных действий, при совершении которых наступает уголовная ответственность (незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, или ношение огнестрельного оружия и т.д.) или (приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ и т.д.). При совершении одного из перечисленных незаконных действий наступает ответственность, предусмотренная вышеприведенными статьями.

Таким образом, процесс квалификации связан с предварительным изучением нормы закона, того смысла, который в нее вложен. Без соблюдения этого условия проделанная работа уполномоченных государством субъектов может оказаться бессмысленной, неверной. При квалификации преступлений нужно исходить также из конструкции состава преступления. Необходимой составляющей квалификации выступает установление, а также сопоставление с нормой закона субъективных признаков состава преступления, которые должна рассматриваться в необходимой взаимосвязи с объективными признаками.

1.2 Квалификация по субъективным признакам преступления

Значение субъективных признаков в квалификации преступлений не стоит преуменьшать перед объективными признаками состава преступления. Как ранее было отмечено, последние подлежат установлению в первую очередь, но они не являются приоритетными. Напротив, деятельность по выявлению признаков субъективной стороны состава преступления представляет собой более сложную задачу для должностных лиц, нежели установление объективных признаков.

Сложность в установлении субъективных признаков состава преступления состоит в том, что они не отражаются в объективной действительности, а сосредоточены в сознании лица.

Нельзя не согласиться с высказыванием И.А. Тарханова и Р.Р. Гайфутдинова, определяющими субъективную сторону как внутреннюю (субъективную) сторону преступления, представляющую собой характеристику всей психической деятельности преступника [40, с. 161].

Сложность квалификации преступлений по субъективным признакам заключается в доказывании умысла и установлении мотивов, цели виновного лица в процессе расследования преступления. В том случае, если лицо совершившее преступление не желает признавать свою вину, дознавателю, следователю придется проделать большую работу с целью опровержения показаний лица иными доказательствами по делу.

В этой связи М.В. Лебедев отмечает, что виновность представляет собой обстоятельство, которое требует обязательного доказывания. «При исследовании субъективной стороны преступления необходимо тщательное исследование волевого и интеллектуального моментов.

При отсутствии в приговоре указания на доказанность волевого момента умысла, вывод суда о наличии умысла следует признать не обоснованным и не мотивированным. Такой приговор подлежит отмене или изменению в пользу осужденных» [16, с. 171].

Несмотря на взаимосвязь объективных и субъективных признаков состава преступления имеются отличия между ними выраженные в поведении лица. Так, в литературе отмечается, что признаки одной и другой стороны не являются одномоментными по времени. Так, сначала возникают намерения лица, после чего следует определенное преступное поведение. Вместе с тем, важно понимать, что намерения лица сами по себе не могут считаться преступными [40, с. 162]. «Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности, – подчеркивал Карл Маркс, – я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я

совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом» [18, с. 14].

Обязательным признаком субъективной стороны состава преступления является вина, поскольку данный элемент присущ всем общественно опасным деяниям.

Субъективную сторону состава преступления характеризует психическое отношение лица к совершаемому и деянию и к его последствиям.

«Содержание субъективной стороны преступления исчерпывается тремя признаками: виной, мотивом и целью, которые взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимообусловлены. Субъективная сторона имеет важное значение. Она позволяет отграничивать преступное поведение от непроступного, разграничивать друг от друга составы преступлений, сходные по объективной стороне» [35, с. 148].

Так, разграничение преступлений по форме вины происходит в зависимости от установления в действиях лица умысла или неосторожности, после чего лицо привлекается к ответственности по статье Особенной части УК РФ, предусматривающую такую форму вины. «По форме вины разграничиваются убийство (ст. 105 УК РФ) и причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК); умышленное причинение вреда здоровью различной тяжести (ст. 111-115 УК) и причинение вреда по неосторожности (ст. 118 УК); умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК) и уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК)» [19, с. 21]. По «наличию или отсутствию цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений – террористический акт (ст. 205 УК РФ) отграничивают от посягательств на личность или на собственность; по содержанию мотивов корыстной или иной личной заинтересованности – злоупотребление полномочиями (ст. 285 или 201 УК РФ)» отличают от неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ) [35, с. 148-149].

Вина выступает не только психологическим понятием, но и юридическим. По той причине, что преступление является общественно опасным деянием, лицо, которое его совершило, виновато перед обществом и государством. «Вина — категория социальная, ибо в ней проявляется отношение лица, совершающего преступление, к важнейшим социальным ценностям». Вина представляет собой «психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших ценностей общества» [43, с. 20].

Вместе с тем, вина не дает представление о том, почему и для чего виновный совершил преступление. Так, мотив представляет собой «обусловленное потребностями внутреннее побуждение, которым виновный руководствовался при совершении преступления».

«Цель заключается в субъективном образе желаемого результата действия или деятельности» [23, с. 164].

Умысел представляет собой одну из форм вины. При этом по психологическому содержанию умысел подразделяется на прямой и косвенный. Согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ прямой умысел имеет место, когда лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления [44].

Из приведенного определения можно выделить три признака умысла: осознание общественной опасности своих действий (бездействий); предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий; желание наступления общественно опасных последствий. Первый признак составляет интеллектуальный элемент прямого умысла, поскольку дает представление о процессах, протекающих в сфере сознания. Последнее образует волевою сторону психической деятельности, то есть волевой элемент прямого умысла. Как совершенно справедливо отмечает

А.И. Рарог, субъект преступления с умышленной формой вины может и не знать точно, «на какой непосредственный объект посягает его деяние, но должен сознавать, что причиняет вред определенным охраняемым уголовным законом интересам личности, общества или государства. Так, намеренно причиняя легкие телесные повреждения при совершении хулиганских действий, субъект действует умышленно независимо от того, считает ли он основным объектом посягательства здоровье потерпевшего или общественный порядок. Определяющим является то, что виновный понимает характер совершаемого деяния и в общих чертах осознает, на какую сферу общественных отношений он посягает» [38, с. 28].

В свою очередь осознание общественно опасного характера совершаемого деяния предполагает понимание социального значения всех фактических свойств совершенного деяния (место, время, способ, обстановка совершенного преступления). «Так, грабитель осознает не только факт изъятия чужого имущества, но и то, что имущество похищается им открытым способом. Сознанием же браконьера охватывается не только факт незаконной охоты, но и то обстоятельство, что она осуществляется на территории государственного заповедника, т.е. в определенном месте. В обоих случаях речь идет об осознании виновным дополнительных признаков действия, которые придают деянию новые социальные качества и существенно влияют на степень его общественной опасности» [38, с. 28-29].

Таким образом, осознание общественной опасности выступает в качестве признака интеллектуального элемента прямого умысла, наряду с предвидением (возможности и неизбежности наступления преступления).

К примеру, А.И. Рарог определяет предвидение общественно опасных последствий совершаемого деяния как «отражение в сознании тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем». Под неизбежностью исследователь понимает уверенность лица в закономерности наступления последствий и пониманием осуществимости последствий связанных с этим. «Речь идет о мысленной (построенной в сознании субъекта)

модели причинно-следственной связи, в которой причина (деяние) обязательно вызывает следствие (желаемый результат)». «При совершении преступления с прямым умыслом предвидение не неизбежности, а лишь реальной возможности наступления общественно опасных последствий возможно лишь тогда, когда избранный виновным способ осуществления преступления может с примерно равной степенью вероятности вызвать разноплановые последствия. Например, сбрасывая жертву из тамбура движущего поезда, преступник понимает, что закономерным результатом падения будет смерть или любой другой вред здоровью потерпевшего. Желаемый результат (смерть) является закономерным, но заведомо не единственно возможным, поэтому она предвидится не как неизбежное, а лишь как реально возможное последствие [38, с. 29-31].

При косвенном умысле согласно ч. 3 ст. 25 УК РФ лицо, которое совершило преступление, осознает общественную опасность своего действия (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасного последствия и, хотя и не желало, но сознательно допускало их либо относилось к ним безразлично [44]. Прямой и косвенный умысел разграничиваются не осознанием общественно опасного последствия, которого в одном и другом случае совпадает, а характером предвидения общественно опасных последствий. По смыслу положений уголовного закона косвенному умыслу свойственно лишь предвидение только возможности наступления общественно опасного последствия. То есть в случае, если лицо предвидело неизбежный закономерный результат своих действий, а именно результат развития причинно-следственной связи, косвенный умысел исключается.

Таким образом, при косвенном умысле интеллектуальный элемент характеризуется:

- осознанием общественной опасности совершаемого деяния;
- предвидение реальной возможности наступления общественно опасных последствий.

Волевой элемент косвенного умысла заключается в отсутствии желания, но сознательного допущения общественно опасных последствий, либо безразличного отношении к ним.

Так, суд отказал в изменении формы вины подсудимого по ходатайству стороны защиты, указав, что причиняя смерть Ч., он действовал с косвенным умыслом. При этом совершая в отношении малолетней умышленные действия, вводя в ее дыхательные пути инородные предметы (куски мяса), повлекшие закрытие ее дыхательные пути, Черников Р.С., осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий в виде смерти Ч., а отказывая потерпевшей в своевременной и квалифицированной медицинской помощи, не имея никаких оснований самонадеянно рассчитывать на предотвращение этих последствий, не желал, но сознательно допускал наступления смерти ребенка [1].

В науке уголовного права кроме прочего обсуждается вид умысла при совершении преступления в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта). Сложность данного вопроса предопределяется также отсутствием легального термина «аффект». Некоторые исходят из того, что аффектированный умысел является разновидностью косвенного, так как возникает внезапно, тем самым препятствуя возможности контролировать свои поступки и реагировать на их интенсивность [41, с. 40]. Другие, считают, что «анализ преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, свидетельствует о том, что виновный предвидит (в общем виде) наступление общественно опасных последствий выражающихся в причинении физического вреда личности, и желает их наступления, так как эти последствия являются целью его действий. Такие психические признаки характерны только для прямого умысла» [4, с. 15].

Неосторожность, наряду с умыслом преступления представляет собой форму вины, вопросам которой посвящена ст. 26 УК РФ. Неосторожным признается деяние, которое совершается по легкомыслию или небрежности.

Преступление тогда признается совершенным по легкомыслию, когда лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий».

Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Предвидение представляет интеллектуальный элемент легкомыслия, самонадеянный расчет на их предотвращение – волевой.

Законодатель при характеристике интеллектуального элемента легкомыслия, указывает лишь на возможность наступления общественно опасных последствий, опуская при этом психическое отношение к действию или бездействию. Как совершенно справедливо подмечает Л.В. Иногамова-Хегай, данное обстоятельство объясняется тем, что «сами по себе действия, взятые в отрыве от последствий, обычно не имеют уголовно-правового значения». В то же время, лицо которое действует по легкомыслию, осознает общественную опасность своего легкомыслия, поэтому стремится к предотвращению последствий своего деяния. В этой связи небезосновательно автор указывает на схожесть легкомыслия и косвенного умысла. В первом же случае виновный должен предвидеть реальную возможность наступления последствий, во втором – абстрактное видение таковых. Главным же отличием косвенного умысла и легкомыслия сводится к содержанию волевого элемента, когда при последнем он испытывает негативное отношение к наступлению последствий, отсутствует одобрительное отношение к ним, сознательное допущение их наступления, и виновное лицо стремится их предотвратить [5].

Довольно распространены случаи, так называемой технической неосторожности, то есть неосторожных преступлений связанных с

нарушением правил предосторожности, безопасности и использования технических средств и других источников повышенной опасности.

Бесогонов В.В., управляя автобусом, следуя по маршруту движения, достоверно зная о том, что он не предпринял мер к тому, чтобы все перевозимые им пассажиры автобуса были пристёгнуты ремнями безопасности, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения права потребителей на получение безопасной для здоровья услуги и относясь к ним безразлично, осуществлял трудовые функции при оказании услуги по платной перевозке пассажиров, которая в силу нарушения Бесогоновым В.В. требований 2.1.2 Правил дорожного движения не отвечала требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей – пассажиров автобуса, вследствие чего в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего с участием указанного автобуса пассажирам указанного автобуса причинены телесные повреждения различной степени тяжести.

Потерпевшая сторона настаивала на ужесточении наказания и вменения виновному лицу ответственности за умышленное преступление.

В данном же случае у виновного лица по отношению к причинению вреда не было прямого и косвенного умысла. Последний абстрактно предвидел возможность наступления последствий в виде причинения вреда после аварии, поскольку не соблюдал правила перевозки пассажиров, но не желал наступления таких последствий, самонадеянно рассчитывая избежать их самостоятельно управляя автомобилем, обладая опытом вождения и т.п. Виновный не мог предвидеть неизбежность или закономерность причинно-следственной связи между нарушением правил перевозки пассажиров и наступлением им вреда [31].

Таким образом, очевидно, что виновный не осознавал причинение вреда здоровью пассажирам и не желал наступление такого вреда. Он понимал, что нарушает правила эксплуатации и что данный факт является общественно-опасным. Следовательно, не может идти речи о прямом умысле по отношению

к причинению вреда. Данное преступление не совершалось и с косвенным умыслом, поскольку виновный лишь абстрактно предвидел наступление общественно-опасных последствий в виде причинения вреда и не предвидел причинно-следственную связь, закономерность между ненадлежащей перевозкой людей (оказанием услуг) и причинением пассажирам вреда (что свойственно для косвенного умысла). Данное преступление было совершено по неосторожности именно в форме легкомыслия, по той причине, что виновный самонадеянно рассчитывал на предотвращение негативных последствий в силу наличия навыков вождения.

Вместе с тем, не безосновательно подмечает А.И. Рарог, что по делам о транспортных преступлениях нередко делается неосновательный вывод о наличии легкомыслия, исходя только из того, что виновный осознавал факт нарушения правил движения и эксплуатации транспортных средств. Для характеристики деяния лица по рассматриваемой форме вины необходимо, чтобы лицо предвидело последствия своих действий и рассчитывало избежать их. По справедливому утверждению автора основным видом неосторожности является небрежность, тогда как легкомыслие встречается лишь в 10-15% случаев неосторожных преступлений [38, с. 49-50].

Отличительной чертой небрежности выступает тот факт, что виновный не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий совершаемых им действий ни как неизбежных, ни как реальных или даже абстрактно возможных.

Небрежность находит свое отражение в следующем примере. Во время совместного распития спиртных напитков М. поссорился с К. и в тот момент, когда она поднесла фарфоровую чашку ко рту, чтобы напиться, ударил ее рукой по лицу. Разбившейся чашкой был поврежден глаз, что само по себе, по оценке экспертизы, явилось средней тяжести вредом здоровью, но повлекло стойкие изменения глаза и неизгладимое обезображивание лица. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор суда, которым М. был осужден за умышленное причинение тяжкого вреда

здоровью, и квалифицировала его действия как причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, поскольку, нанося удар по лицу, он не предвидел возможности причинения тяжкого вреда здоровью, хотя должен был и мог предвидеть такие последствия [22].

Далее рассмотрим особенности субъекта преступления для целей квалификации. В вопросе правильной и точной квалификации особое значение приобретает субъект преступления.

С точки зрения российского уголовного права данный элемент субъективной стороны определяется как вменяемое лицо, достигшее установленного в законе возраста.

Значение субъекта преступления сводится к следующему:

Данный элемент субъективной стороны преступления в своей совокупности с иными позволяет установить характер и степень общественной опасности преступления.

При наличии обязательных признаков субъекта преступления лицо может быть привлечено к уголовной ответственности; при отсутствии одного из обязательных признаков субъекта преступления не может идти и речи об уголовной ответственности такого лица.

Определяющими признаками субъекта преступления в вопросе установления вины лица в совершении общественно опасного преступления следует считать достижение возраста уголовной ответственности, вменяемость; «если лицо признано невменяемым в отношении инкриминируемого общественно опасного деяния, то это означает, что лицо не может осознавать общественную опасность совершенного деяния и тяжесть его последствий, то есть у него отсутствует вина (аналогичный подход у законодателя к лицам, совершившим общественно опасное деяние, но не достигшим возраста уголовной ответственности); при признании лица страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости, суд обязательно учитывает данное обстоятельство и может назначить вместо

уголовного наказания принудительные меры медицинского характера исходя из характера и степени общественной опасности деяния» [14, с. 650].

Действующее законодательство не содержит определения общего и специального субъекта преступления.

Вместе с тем, наличие определенных признаков в уголовно-правовых нормах Особенной части УК РФ, позволяют, наряду с общими, выделить «специальные» или квалифицирующие признаки субъекта, например, совершение преступления с использованием должностного положения [17, с. 89].

Кроме этого, разграничивают составы преступлений по признакам мотива и цели, эмоциональному состоянию субъекта, а также элементу заведомости.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что достаточно распространенной ошибкой при квалификации преступлений является необоснованность субъективной стороны преступления.

Последнее может быть связано с тем, что в мотивировочной части не приводится необходимых доказательств, которые могут свидетельствовать о наличии прямого или косвенного умысла на совершение преступления.

Вместе с тем, проблема связывается и с тем обстоятельством, что субъективная сторона устанавливается позже, нежели признаки объективной стороны.

В таком случае правоприменитель в лице следователя, из приведенных ранее соображений, также может возбудить уголовное дело по признакам преступления более повышенной общественной опасности.

Помимо прочего, совокупность полученных изначально объективных признаков состава преступления сами по себе могут свидетельствовать об умышленном характере совершенного преступления.

Так, 14.08.2003 гражданин Э, имея умысел на хищение денежных средств, проник в дом.

Находясь в доме, Э. прошел в спальню. Завладев деньгами, Э. решил причинить потерпевшему тяжкий вред здоровью, для чего нанес удар кулаком в область передней поверхности шеи потерпевшего В., от полученной травмы потерпевший скончался.

В надзорной жалобе осужденный Э. просил переквалифицировать его действия с п. «з» ч. 2 ст. 105 на ч. 4 ст. 111 УК РФ, в связи с тем, что умысла на убийство потерпевшего у него не было.

Он не желал и не предвидел возможности наступления смерти потерпевшего при нанесении тому удара кулаком в область шеи.

Кроме того, действовал с косвенным умыслом на причинение смерти потерпевшему, поскольку осознавал общественную опасность своих действий, причиняя тяжкий вред здоровью потерпевшего, предвидел возможность наступления смерти потерпевшего, не желал, но относился к наступлению смерти безразлично.

Осужденный Э. в ходе предварительного следствия и в судебных инстанциях последовательно утверждал, что, нанося в темноте удар кулаком потерпевшему, он не предвидел возможности наступления от этих действий смерти.

О том, что он не желал и не предвидел наступление смерти потерпевшего, свидетельствуют обстоятельства совершения преступления. Никакого орудия для совершения убийства Э. не брал.

Чтобы не быть опознанным, свет в квартире не включал.

Удар, нанесенный потерпевшему в темноте, не мог гарантировать наступления смерти.

Эти показания осужденного ничем не опровергнуты.

Помимо прочего, специальными навыками для нанесения смертельного удара не обладал.

Президиумом Верховного Суда РФ надзорную жалобу гражданина Э. удовлетворил и его действия были переквалифицированы с п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ [29].

В приведенном случае собранные по делу доказательства свидетельствуют лишь о косвенном умысле на убийство потерпевшего, а именно о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность наступления преступного результата в виде смерти, не желал, но безразлично относился к такому итогу.

Таким образом, осмысление вопросов квалификации преступления имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Центральное место в вопросе квалификации преступления, бесспорно, занимает состав преступления.

Данный уголовно-правовой институт выступает в качестве единственного основания привлечения лица к уголовной ответственности и одновременно теоретической базой правильной квалификации совершенного преступления.

Глава 2 Проблемы квалификации преступлений

2.1 Проблемы квалификации преступлений в соучастии

Своей особенностью обладает квалификация преступлений при соучастии со специальным субъектом. Так, согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса РФ, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника. В то же время на практике при реализации данного положения возникают определенные трудности.

К примеру, возникают ситуации, когда объективную сторону состава преступления со специальным субъектом частично или полностью выполняет общий субъект. В этой связи Д.Ю. Фисенко приводит пример противоречивости следующих положений уголовного законодательства. Так, из приведенного ранее положения, предусмотренного ч. 4 ст. 35 УК РФ, следует, что в случаях, когда общий субъект выполняет объективную сторону преступления, наряду со специальным субъектом, их деятельность не может рассматриваться как соисполнительство. Как совершенно справедливо подмечает автор, деятельность общего субъекта можно квалифицировать как пособничество. В то же время, по смыслу ч. 5 ст. 35 УК РФ роль пособника в соучастии выражается в оказании содействия исполнителю в совершении преступления очерченными в законе способами, «но ни в коем случае не предполагает выполнение объективной стороны самого преступления, в связи с чем, признание в таких случаях общего субъекта пособником представляется весьма условным» [45, с. 215]. Нельзя также не согласиться, что в таком случае действия соучастников преступления не подпадают под квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору». Так, согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ указанный вид соучастия имеет место при условии, что в совершении

преступления участвует минимум два соисполнителя. «Таким образом, возникает необоснованное смягчение уголовной ответственности соучастников, в силу того, что в случаях совместного выполнения объективной стороны преступления общим и специальным субъектом с юридической точки зрения соисполнительство отсутствует, в то время как фактически оно имеет место» [45, с. 215].

Вместе с тем, применительно к отдельным составам преступления имеется более конкретная регламентация подобных вопросов.

Так, в п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ предусматривается состав изнасилования, совершенного группой лиц. С одной стороны субъектом данного преступления может быть лицо мужского пола, достигшее 14 лет. С другой стороны законодатель в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъясняет некоторые особенности квалификации данного деяния. Групповым изнасилованием признаются не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственный половой акт, но и действия лиц, которые оказывали содействие им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу. При этом действия лиц, которые непосредственно не выполняли объективную сторону преступления, но содействовали совершению изнасилования посредством применения насилия, квалифицируются как соисполнительство в групповом изнасиловании, или же совершении насильственных действий сексуального характера [28].

Стоит учитывать, что изнасилование является сложным составом преступления, поскольку его объективная сторона характеризуется совершением двух разных по своей сути действия, а именно насилия и полового сношения с лицом женского пола вопреки ее воле и согласию. То есть изнасилование имеет место быть при наличии не самостоятельных, а в совокупности имеющихся «насилия» и «полового сношения» и по этой причине одно из них может быть совершено лицом женского пола, а именно применением к потерпевшему лицу, женщине, насилия. В то же время, действия женщины применяющей насилие само по себе не может быть

расценено как изнасилование без специального субъекта – лица мужского пола и не может быть выступать соисполнителем, когда совершается изнасилование группой лиц с ее участием. По справедливому утверждению А.П. Дьяченко действия женщины, которая совершает насилие, к потерпевшей содействуя совершению полового акта должны квалифицироваться по ч. 4 ст. 34 УК РФ, то есть как соучастие (пособничество) в изнасиловании со ссылкой на ст. 33 УК РФ. При этом такие лица, не совершая непосредственно полового акта с потерпевшей, не могут расцениваться как соисполнители, поскольку лишь содействуют совершению преступления и должны отвечать за соучастие в изнасиловании [5, с. 28].

Представляется, что данные выводы применимы и по отношению к лицам мужского пола, содействующим совершению преступления посредством применения насилия лишь к потерпевшей. Лица, не достигшие возраста уголовной ответственности (к примеру, лица в возрасте 14 лет) не могут быть как общим, так и специальным субъектом преступления, в связи с чем, не будут рассматриваться в качестве соучастников изнасилования при квалификации их противоправных действий.

Собственно проблема заключается и в том, что законодатель такими разъяснениями, фактически называет соисполнителем группового изнасилования лицо женского пола, которое может оказывать содействие совершению преступления. Тогда как согласно диспозиции ст. 131 УК РФ в качестве субъекта преступления рассматривается лицо мужского пола. То есть по общему правилу в ситуации, когда совершается групповое изнасилование и лицо женского пола оказывает содействие совершению преступления (например, удерживает жертву) по правилам ст.ст. 33, 34 УК РФ должны быть квалифицированы следующим образом:

- мужчина – ч. 1 ст. 131 УК РФ (как исполнитель преступления);
- женщина – ч. 5 ст. 33 УК РФ; ч. 1 ст. 131 УК РФ (как пособник в совершении преступления).

Напротив, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ такое деяние должно быть квалифицировано в отношении мужчин и женщин по п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ (как соисполнители преступления) [28].

Представляется, что обстоятельство, при котором содействие в совершении изнасилования квалифицируется как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, можно рассматривать в качестве исключения из общего правила, содержащегося в ч. 4 ст. 34 УК РФ. При этом данное обстоятельство стоило бы урегулировать в правовом поле, дополнив указанную часть статьи словами «В качестве исключения признаются случаи, когда конкретной статьей Особенной части УК РФ предусмотрено иное. Тогда в примечании к ст. 131 УК РФ указать, что действия лиц, способствующих совершению полового акта, квалифицируются как совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой. Данное дополнение придало бы положениям Пленума Верховного Суда РФ более органичный вид.

Видится также, что преступление, предусмотренное ст. 131 УК РФ носит повышенную общественную опасность (неся собой физический и психологический вред потерпевшему лицу) и требует особого внимания со стороны законодателя и правоприменителей, а также более жесткого подхода к виновным в его совершении лицам.

Далее рассмотрим особенности квалификации особо тяжкого преступления – убийства, совершенного в соучастии.

Приведем пример из судебной практики, который иллюстрирует совершение убийства в соучастии, при котором одно либо выполняет объективную сторону преступления, а другое выступает пособником.

Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном определении от 14 октября 2008 года № 64-О08-40 счел верной квалификацию действий гражданина С., осужденного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и гражданки Г., осужденной по ч. 5 ст. 33 УК РФ; п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, совершивших убийство

новорожденного ребенка при следующих обстоятельствах: после рождения ребенка гражданин С., обернул его в полотенце, а затем по предложению гражданки Г. взял шнурок и задушил ребенка. При этом первый шнурок порвался, после чего Г. посоветовала С. взять шнурок от ее ботика, после чего С., взяв другой шнурок, задушил новорожденного. При этом судебная коллегия сочла необоснованными доводы кассационных жалоб о том, что действия гражданки Г. должны быть квалифицированы по ст. 106 УК РФ, поскольку исполнителем объективной стороны убийства являлся именно гражданин С. [9].

При этом в данном случае отсутствует группа лиц, поскольку объективную сторону убийства выполнял один исполнитель, а также отсутствует группа лиц по предварительному сговору, поскольку факт договоренности произошедшей заранее не был установлен.

В свою очередь Пленум Верховного Суда указывает, что в вопросе квалификации соучастия необходимо руководствоваться положениями ст. 35 УК РФ, содержащей понятия преступлений, которые совершаются в группе лиц, группе лиц по предварительному сговору, и организованной группой.

Так, «Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения)» [24]. Кроме того, Пленум отдельно обращает внимание, что в качестве убийства совершенного группой лиц следует также рассматривать случаи, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединилось другое лицо (другие лица) [24].

В этой связи следует рассмотреть следующий случай из практики. Так, Климов А.М. и Любавская М.В. совершили убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, группой лиц.

Необходимо отметить, что суд пришел к выводу о наличии группы лиц на совершение убийства, во-первых сославшись на позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «Убийство следует признавать совершенным группой лиц и в том случае, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединилось другое лицо» [24].

Во-вторых, отметив, что «именно те обстоятельства, когда к Климову А.М., который последовательно и целеустремленно совершал действия, направленные на умышленное причинение смерти потерпевшей, заранее не договариваясь, присоединилась Любавская М.В., при этом подсудимые совместно участвовали в удушении потерпевшей, преследуя цель лишить ее жизни), установлены судом при исследовании в судебном заседании совокупности допустимых доказательств» [24].

«Предварительный сговор на убийство предполагает выраженную в любой форме договоренность двух или более лиц, состоявшуюся до начала совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего. При этом, наряду с соисполнителями преступления, другие участники преступной группы могут выступать в роли организаторов, подстрекателей или пособников убийства, и их действия надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 33 и п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ» [24].

«Организованная группа – это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении

следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ» [24].

Вместе с тем, необходимо учитывать, что одним из отличных признаков организованной группы выступает её «устойчивость». Последняя может выражаться в наличии длительных преступных связей между участниками организованной группы.

Так, в Кассационном определении СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.02.2013 № 81-О13-8 [8] Коллегия пришла к выводу о том, что «Приговор подлежит изменению, а действия осужденных - переквалификации с преступления, совершенного организованной группой, на преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору, поскольку в действиях осужденных отсутствовал такой признак, как устойчивость группы».

Между тем, вопросам применения ответственности за создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений либо за руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящим в него (нее) структурным подразделением, а равно участие в преступном сообществе раскрываются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) [8].

В частности Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание на то, что в вопросе квалификации преступное сообщество или преступную организацию следует отличать от иных видов преступных групп по следующим признакам:

- более сложной внутренней структурой;
- наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды;

- возможностью объединения двух или более организованных групп с той же целью.

«При этом под прямым получением финансовой или иной материальной выгоды понимается совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений (например, мошенничества, совершенного организованной группой либо в особо крупном размере), в результате которых осуществляется непосредственное противоправное обращение в пользу членов преступного сообщества (преступной организации) денежных средств, иного имущества, включая ценные бумаги и т.п.» [27].

Так, «Латынцева Г.В. участвовала в преступном сообществе (преступной организации). Она же совершила незаконные организацию и проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», сопряженные с извлечением дохода в особо крупном размере, организованной группой.

Преступления совершены при следующих обстоятельствах.

С и К, ранее занимавшийся в организацией и проведением азартных игр, осознавая, что согласно ч.10 ст.16 Федерального закона от 29.12.2006 №244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – ФЗ №244) и Постановления Правительства РФ от 18.06.2007 № 376 «Об утверждении положения о создании и ликвидации игорных зон», в соответствии с которым на территории г. Томска и Томской области не создана игорная зона и соответственно деятельность игорных заведений на территории г. Томска и Томской области должна была быть прекращена еще до, используя ранее приобретенный опыт, а также подконтрольные ему арендованные помещения в местах скопления наибольшего количество граждан, создал на территории преступное сообщество в форме структурированной организованной группы (далее сообщество) для незаконной организации и проведения азартных игр с

использованием игрового оборудования вне игровой зоны, а также с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», с целью извлечения дохода в особо крупном размере, совершая при этом организованной группой тяжкое преступление, предусмотренное п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 171.2 УК РФ [32].

Как видно из приведенного выше примера определенное лицо, выступая в качестве руководителя преступной организации, получало в результате совершения преступной деятельности доход в особо крупном размере.

«Под косвенным получением финансовой или иной материальной выгоды понимается совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, которые непосредственно не посягают на чужое имущество, однако обуславливают в дальнейшем получение денежных средств и прав на имущество или иной имущественной выгоды не только членами сообщества (организации), но и другими лицами» [27].

Таким образом, при квалификации соучастия на практике возникают ряд проблем. Одной из таковых следует рассматривать случаи совместного выполнения объективной стороны преступления общим и специальным субъектом. По мнению некоторых авторов, такие случаи лишь «условно» следует рассматривать в качестве пособничества, не смотря на то, что последнее не предполагает содействие в совершении преступления определенными законом способами. Кроме того, нельзя рассматривать такие случаи как совершение его в «группе лиц по предварительному сговору», потому как данный признак соучастия предполагает соисполнительство, что в данном случае быть не может.

Несмотря на то, что Общая часть Уголовного кодекса РФ предусматривает общие правила квалификации соучастия Пленум ВС РФ предусматривает исключения из таких. К примеру, изложенное касается таких преступлений как изнасилование и насильственные действия сексуального характера.

Так, групповым изнасилованием будет признаваться совершение данного преступления двумя и более лицами, несмотря на то, что непосредственно половой акт совершает одно лицо, а другое совершает насилие. Необходимо отметить, что рассматриваемое преступление является сложным, поскольку предусматривает два разных по сути противоправных действий: половое сношение против воли лица и применяемое насилие.

Представляется, что обстоятельство, при котором содействие в совершении изнасилования квалифицируется как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, можно рассматривать в качестве исключения из общего правила, содержащегося в ч. 4 ст. 34 УК РФ. При этом данное обстоятельство стоило бы урегулировать в правовом поле, дополнив указанную часть статьи словами «В качестве исключения признаются случаи, когда конкретной статьей Особенной части УК РФ предусмотрено иное. Тогда в примечании к ст. 131 УК РФ указать, что действия лиц, способствующих совершению полового акта, квалифицируются как совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой. Данное дополнение придало бы положениям Пленума Верховного Суда РФ более органичный вид.

Видится также, что преступление, предусмотренное ст. 131 УК РФ носит повышенную общественную опасность (неся собой физический и психологический вред потерпевшему лицу) и требует особого внимания со стороны законодателя и правоприменителей, а также более жесткого подхода к виновным в его совершении лицам.

Своими особенностями обладает квалификация такого преступления как убийство, при этом, в ряде случаев Пленум ВС РФ также предусматривает особенности квалификации его в условиях соучастия.

2.2 Проблемы квалификации преступлений при множественности преступлений

Анализ положений Уголовного кодекса РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель предусматривает два вида множественности преступлений: совокупность и рецидив преступлений.

По общему правилу по смыслу ст. 17 УК РФ под совокупностью преступлений следует понимать «совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено» [44]. В качестве исключения названному правилу рассматриваются случаи, «когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание» [44]. Проблемы квалификации множественности преступлений заключаются в том, что при совершении «основного» преступления лицо выполняет также «дополнительные» преступные деяния.

Как совершенно справедливо отмечает Г.С. Досаева, разрешение такой проблемы непосредственно не предусмотрено в законе, но однозначно следует из сложившейся практики его применения [3, с. 35].

Так, преступная деятельность лица может быть разбита на несколько изолированных этапов. Изложенное выражается в следующих случаях:

- когда приготовление к преступлению существенно отстаёт от места и времени выполнения объективной стороны преступления;
- по истечению времени после неоконченного преступления лицо предпринимает повторную попытку и доводит преступление до конца.

В этой связи возникает вопрос о возможной квалификации отдельных этапов выполнения единого преступления.

Между тем, на сей счет Верховный Суд РФ отметил, что «неоднократные действия в отношении одного и того же объекта преступного посягательства, направленные на достижение единого результата,

совершенные тем же субъектом в небольшой промежуток времени, аналогичным способом, образуют единое преступление и не требуют дополнительной квалификации действий, предшествовавших достижению преступного посягательства» [30].

Так, по делу Пожилова И.В. было установлено, что участники нападения, в том числе Пожилов, подойдя к офису, не успели надеть маски и, опасаясь быть опознанными К и Г, которые вышли из офиса и стали закрывать за собой входную дверь, с места преступления скрылись.

Однако уже 28 июня 2001 года, то есть спустя непродолжительное время, Пожилов и соучастники, способом, аналогичным ранее спланированному, осуществили задуманное – совершили вооруженное разбойное нападение на офис, в результате которого похитили чужое имущество.

Таким образом, установленные судом обстоятельства свидетельствуют, что действия Пожилова как в части приготовления 25 июня 2001 года к разбойному нападению на офис, так и непосредственного совершения 28 июня 2001 года спланированного ранее разбойного нападения на тот же объект посягательства, охватывались единым умыслом и были направлены на достижение тем же способом одной цели – завладения чужим имуществом.

Суд пришел к выводу о том, что квалификация по п. «а» ч. 3 ст. 162 УК РФ является излишней, в связи чем, подлежала исключению. Помимо прочего, суд заключил, что суждение в кассационном определении о том, что приготовление к нападению и само нападение были совершены в разное время, по отдельным планам и потому должны квалифицироваться как совокупность преступлений, является ошибочным, поскольку при указанных выше обстоятельствах эти доводы не имеют определяющего значения для правовой оценки содеянного [30].

Таким образом, последовательно сменяющие друг друга стадии preparatory activity и выполнение объективной стороны преступления Пожилова не образуют совокупности, поскольку данная

деятельность квалифицируется с учетом последней стадии (непосредственно совершение объективной стороны преступления).

Между тем, возникает вопрос относительно того, что следует понимать под небольшим промежутком времени. В приведенном случае суд рассматривает в качестве «непродолжительного» фактически период равный двум дням, то есть с 25.06.2011 по 28.06.2011.

Представляется, что формулировка используемая Пленумом Верховного Суда РФ является несколько размытой, и суды в каждом конкретном случае должны руководствоваться исходя из обстоятельств дела, или же основываться на том, что все неясности трактуются в пользу лица.

Стоит согласиться с Г.С. Досаевой, что существует иная ситуация, которая является более сложной: «приготовительные действия к совершению «основного» преступления рассматриваются уголовным законом в качестве иного самостоятельного оконченного преступления» [3, с. 37].

К примеру, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств» указывается «В случаях хищения либо вымогательства огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также их ношения, хранения, приобретения и изготовления с целью совершения другого преступления содеянное должно квалифицироваться как совокупность оконченного хищения либо вымогательства оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, незаконного их ношения, хранения, приобретения или изготовления и приготовления к совершению иного преступления, если ответственность за это предусмотрена законом» [26].

Таким же образом, спорная ситуация разрешается Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической

направленности»: «Если в процессе совершения террористического акта были использованы незаконно приобретенные либо хранящиеся ядерные материалы и радиоактивные вещества, а также незаконно приобретенные, хранящиеся либо изготовленные огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, то действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 205 УК РФ и соответственно статьей 220, 221, 222, 222.1, 223, 223.1 или 226 УК РФ» [25].

Можно заключить, что в том случае, когда по обстоятельствам дела наличествуют приготовительные действия к преступлениям небольшой или средней тяжести и они содержат состав иного оконченного и самостоятельного преступления (любой степени тяжести), совокупность преступлений отсутствует, а совершенное лицом оценивается в соответствии с законом, который устанавливает ответственность за оконченное преступление.

В том случае, когда приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению содержит состав иного преступления небольшой или средней тяжести, совокупность преступлений отсутствует, а совершенное лицом деяние должно квалифицироваться только как приготовление к преступлению.

При совершении действий по приготовлению к преступлению к тяжкому или особо тяжкому преступлению, признаки который образуют состав иного тяжкого или особо тяжкого преступления, содеянное образует совокупность неоконченного и этого оконченного преступления.

2.3 Проблемы квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм

Данная проблематика заключается в том, что совершенное преступление подпадает под действие двух и более норм, которые вступают в так называемую конкуренцию. В итоге по результатам квалификации выбирается

лишь одна норма, предусмотренная Особенной частью УК РФ в соответствии с которой и назначается ответственность за содеянное.

При этом в законодательстве прямо не говорится о конкуренции уголовно-правовых норм, но фактически предусматривается один вид таковой - конкуренция общей и специальной нормы.

Так, согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ «если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме» [44].

Так, при конкуренции общей и специальной нормы правоприменителю необходимо соотнести их, определить какая из них является общей, а какая специальной. В итоге ответственность будет определяться в соответствии со специальной нормой. Не имеет при этом значения тот факт, какая из норм предусматривает более тяжкое наказание – общая или специальная.

По мнению Д.М. Семеновой под специальной нормой следует понимать «результат конкретизации общей нормы путем дополнения признаками, родственными общему составу» [36, с. 61].

Таким образом, в процессе соотнесения общей и специальной нормы, в качестве последней будет выступать та, признаки которой детальнее определяют совершенное деяние.

Как отмечает Д.М. Семенова, при конкуренции уголовно-правовых норм следует учитывать следующие обстоятельства. Так, не могут рассматриваться уголовно-правовые нормы в качестве общей и специальной нормы, предусматривающие разные формы вины (например, убийство и причинение смерти по неосторожности). То же касается преступлений с формальными и материальными составами. При этом под специальным составом следует понимать квалифицированный или привилегированный.

Рассмотрим ст. ст. 160 и 170 УК РФ. Первый состав преступления выражается в совершении присвоении или растраты, то есть хищении чужого имущества, вверенного виновному. Второй связан с регистрацией незаконных сделок с недвижимым имуществом. При этом ч. 3 ст. 160 УК РФ

предусматривает присвоение или растрату, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере. Таким образом, ч. 3 ст. 160 УК РФ является специальной нормой по отношению к ч. 1 ст. 160 УК РФ. В свою очередь анализ состава преступления, предусмотренного ст. 170 УК РФ демонстрирует, что данное преступление совершается также лицом с использованием своего служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности.

В связи с изложенным возникает вопрос, если лицо, используя свои служебные полномочия, умышленно снизило кадастровую стоимость объекта недвижимости, вверенного ему имущества, изменило статус недвижимого имущества с возможностью его выкупа (тогда как недвижимый объект находится в собственности государства), затем обратило его в свою собственность, каким образом следует квалифицировать его действия. С одной стороны можно сделать вывод, что в данном случае деяние будет квалифицироваться по совокупности преступлений. Между тем, оба состава содержат аналогичные признаки при описанных выше обстоятельствах. Так, совершается незаконная регистрация сделок с недвижимым имуществом, лицом с использованием служебных полномочий (с этого момента совершено преступление предусмотренное ст. 170 УК РФ), в этот же момент у лица появляется возможность обратить недвижимый объект в свою собственность.

Растрата вверенного лицу в силу его служебных полномочий объекта недвижимости формально совершена, поскольку преступление предусмотренного ст. 160 УК РФ считается оконченным с того момента «когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу» [40, с. 115]. Таким образом, в момент, когда лицо совершило незаконную регистрацию сделки, фактически была совершена и растрата, поскольку, как было отмечено выше, в этот момент законное владение вверенного лицу имущества стало противоправным

и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу.

Оба преступления совершались из личной выгоды, умышленно, поскольку лицо осознавало противоправный характер своих действий и желало наступление преступного результата.

В то же время, единственным условием разграничения названных составов, от статуса конкурирующих является их конструкция. Так, состав незаконной регистрации сделок с недвижимостью выступает формальным составом, тогда как растрата считается оконченным преступлением после того как лицо смогло воспользоваться вверенным ему имуществом. В таком случае конкуренция уголовно-правовых норм по схеме общее – специальное, не применимо.

Примером конкуренции общей и специальных норм можно отметить ст. 170 УК РФ (незаконная регистрация сделок с землей) и ст. 292 УК РФ (служебный подлог). По той причине, что в диспозиции первой фактически указаны частные случаи внесения заведомо ложных сведений в официальные документы и по этой причине является специальной по отношению к общей норме, то есть ст. 292 УК РФ.

Примером конкуренции общей и специальной нормы следует назвать также ч. 2 ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником» и ч. 1 ст. 285 УК РФ, выраженное в злоупотреблении должностными полномочиями в виде фальсификации доказательств по уголовному делу. Например, лицо признано виновным в фальсификации доказательств по уголовному делу, по которому лично и осуществляло производство, в связи с чем, ответственность была назначена по ч. 3 ст. 303 УК РФ. В данном случае приведенная норма будет выступать специальной по отношению к ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Помимо прочего, ст. 319 УК РФ и 336 УК РФ также конкурируют между собой. При первом преступлении обязательным признаком выступает

публичность, тогда как в преступлении, предусмотренном ст. 336 УК РФ наличие его не обязательно. К примеру, военнослужащий может оскорбить другого военнослужащего, при нахождении обоих в помещении и нести ответственность по данной норме. В итоге деяние должно быть квалифицировано по норме, которая более раскрывает признаки содеянного. По конструкции данные преступления схожие, а именно совершается оскорбление должностного лица, как при исполнении им своих служебных обязанностей, так и в связи с их исполнением. Между тем, в ст. 336 УК РФ речь идет только о военнослужащем.

Таким образом, когда преступление предусмотрено общей и специальной нормой, совокупность преступлений отсутствует, а ответственность назначается по специальной норме. При конкуренции квалифицированных составов следует выбирать норму, предусматривающую более высокую ответственность. При конкуренции привилегированных составов следует выбрать норму, предусматривающую меньшую ответственность. При конкуренции квалифицированного и привилегированного состава необходимо выбирать норму, предусматривающую меньшую ответственность, то есть привилегированный состав преступления.

Нельзя не согласиться также с Д.М. Семеновой относительно того, что такие правила должны найти свое отражение в положениях УК РФ. Изложенное позволит разграничить формы множественности преступления и единичного преступления [36, с. 63].

На практике могут возникнуть проблемы при квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 317 и 295 УК РФ. В первом составе речь идет о посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа, во втором о посягательстве на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование. К примеру, Л.А. Стреж приводит следующий пример конкуренции указанных норм: «Представим ситуацию, когда виновный причиняет смерть следователю одного из районных отделов

милиции. В связи с этим необходимо решить, как следует квалифицировать содеянное: по ст. 295 или по ст. 317 УК РФ. В данной ситуации необходимо помнить о том, что дополнительные признаки в специальных нормах не идентичны, а следовательно, необходимо выбрать ту из специальных норм, которая более полно охватывает данную ситуацию. Прежде всего, необходимо установить цель, которую преследовал виновный. Если его целью была месть за деятельность по охране общественного порядка, то содеянное следует квалифицировать по ст. 317 УК РФ, а если цель - воспрепятствование проведению предварительного следствия, то по ст. 295 УК РФ» [20].

«При конкуренции специальных норм со смягчающими признаками содеянное следует квалифицировать по уголовно-правовой норме, предусматривающей наиболее мягкое наказание.

Пример: Обороняясь от нападения, лицо выходит за пределы необходимости и причиняет тяжкий вред нападавшему. В ходе следствия было установлено, что обороняющийся действовал в состоянии аффекта. Следовательно, на применение в данном случае претендуют ст. 113 УК РФ «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта» и ч. 1 ст. 114 УК РФ «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны».

Ст. 113 УК РФ предусматривает наказание в виде ограничения свободы на срок до 2 лет или лишение свободы на тот же срок.

Ч. 1 ст. 114 УК РФ предусматривает наказание в виде ограничения свободы на срок до 2 лет или лишение свободы на срок до 1 года.

Более мягкое наказание предусмотрено ч. 1 ст. 114 УК РФ, следовательно, квалифицировать содеянное следует именно по данной статье, так как избрание более строгого наказания при наличии двух вместо одного смягчающего признака противоречит целям наказания» [20].

Примером рассматриваемого вида конкуренции уголовно-правовых норм наблюдается в ст. 106 УК РФ с ч. 2 ст. 105 УК РФ. В данном случае

преимущество будет отдано первой перед нормой предусматривающей отягчающие обстоятельства.

При конкуренции уголовно-правовых норм, когда одна из них со смягчающим признаком, а другая – с отягчающим, предпочтение отдается норме со смягчающим признаком.

Пример: Лицо совершает убийство двух человек в состоянии аффекта. На применение в данном случае претендуют две уголовно-правовые нормы - п. «а» ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 107 УК РФ.

Видно, что п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ по отношению к ч. 1 ст. 105 - норма с отягчающим признаком и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет либо смертной казни или пожизненного лишения свободы.

Ч. 2 ст. 107 УК РФ – тоже специальная норма по отношению к ч. 1 ст. 105, но со смягчающим признаком и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет.

Следовательно, содеянное следует квалифицировать только по ч. 2 ст. 107 УК РФ, как требуют того цели наказания» [20].

Выделяются также и другие виды конкуренции уголовно-правовых норм: изданных в разное время; национального и зарубежного законодательства; национального и международного законодательства.

Несмотря на то, что Общая часть Уголовного кодекса РФ предусматривает общие правила квалификации соучастия Пленум ВС РФ предусматривает исключения из таких. К примеру, изложенное касается таких преступлений как изнасилование и насильственные действия сексуального характера.

Так, групповым изнасилованием будет признаваться совершение данного преступления двумя и более лицами, несмотря на то, что непосредственно половой акт совершает одно лицо, а другое совершает насилие. Необходимо отметить, что рассматриваемое преступление является

сложным, поскольку предусматривает два разных по сути противоправных действий: половое сношение против воли лица и применяемое насилие.

Представляется, что обстоятельство, при котором содействие в совершении изнасилования квалифицируется как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, можно рассматривать в качестве исключения из общего правила, содержащегося в ч. 4 ст. 34 УК РФ. При этом данное обстоятельство стоило бы урегулировать в правовом поле, дополнив указанную часть статьи словами «В качестве исключения признаются случаи, когда конкретной статьей Особенной части УК РФ предусмотрено иное. Тогда в примечании к ст. 131 УК РФ указать, что действия лиц, способствующих совершению полового акта, квалифицируются как совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой. Данное дополнение придало бы положениям Пленума Верховного Суда РФ более органичный вид.

Видится также, что преступление, предусмотренное ст. 131 УК РФ носит повышенную общественную опасность (неся собой физический и психологический вред потерпевшему лицу) и требует особого внимания со стороны законодателя и правоприменителей, а также более жесткого подхода к виновным в его совершении лицам.

Своими особенностями обладает квалификация такого преступления как убийство, при этом, в ряде случаев Пленум ВС РФ также предусматривает особенности квалификации его в условиях соучастия.

Можно заключить, что в том случае, когда по обстоятельствам дела наличествуют подготовительные действия к преступлениям небольшой или средней тяжести и они содержат состав иного оконченного и самостоятельного преступления (любой степени тяжести), совокупность преступлений отсутствует, а совершенное лицом оценивается в соответствии с законом, который устанавливает ответственность за оконченное преступление.

В том случае, когда приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению содержит состав иного преступления небольшой или средней тяжести, совокупность преступлений отсутствует, а совершенное лицом деяние должно квалифицироваться только как приготовление к преступлению.

При совершении действий по приготовлению к преступлению к тяжкому или особо тяжкому преступлению, признаки которых образуют состав иного тяжкого или особо тяжкого преступления, деяние образует совокупность неоконченного и этого оконченного преступления.

Своими особенностями обладает квалификация преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм. К примеру, единственным таким случаем, который фактически следует из положений Уголовного закона можно назвать конкуренцию общей и специальной нормы.

Так, при конкуренции общей и специальной нормы правоприменителю необходимо соотнести их, определить какая из них является общей, а какая специальной. В итоге ответственность будет определяться в соответствии со специальной нормой. Не имеет при этом значения тот факт, какая из норм предусматривает более тяжкое наказание – общая или специальная.

Заключение

Квалификация преступлений представляет собой процесс по сопоставлению фактических обстоятельств совершенного противоправного деяния с конкретной нормой права.

Очевидно, что осмысление вопросов квалификации преступления имеет не только теоретическое, но и практическое значение, потому как при определенной неясности в решении практической задачи пути её решения в частности находят в научной литературе.

Центральное место в вопросе квалификации преступления, бесспорно, занимает состав преступления. Данный уголовно-правовой институт выступает в качестве единственного основания привлечения лица к уголовной ответственности и одновременно теоретической базой правильной квалификации совершенного преступления. Признаки объективной стороны представляют собой «внешнюю сторону» преступления. Установление таковых происходит на ранних этапах предварительного расследования по той причине, что они проявляются во внешней среде. В то же время субъективные признаки состава преступления заключены в сознании человека и их установление зачастую затруднено. Между тем, без установления последних сложно говорить о направлении уголовного дела в суд. Как объективные признаки состава преступления, так и его субъективные признаки должны рассматриваться во взаимосвязи и образовывать систему, то есть состав преступления.

При производстве квалификации правоприменители встречаются с определенными проблемами в данной сфере. Таковыми в частности возникают в сфере квалификации соучастия в преступлении. Общая часть Уголовного кодекса Российской Федерации даёт представление об общих правилах соучастия. Между тем, на практике при совершении некоторых тяжких и особо тяжких преступлений законодатель устанавливает исключения из общего правила. Изложенное касается совершения изнасилования. Так, при

совершении данного преступления двумя лицами, Пленум Верховного Суда РФ указывает на то, что вне зависимости от того, кем выполнялась объективная сторона преступления, все лица так или способствующие совершению преступления, совершающие насилие несут ответственность как исполнители.

Наряду с этим существует некое несоответствие между разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ и законодательными положениями. Изложенное касается тех случаев, когда совершается изнасилование в отношении потерпевшей мужчиной и женщиной, а именно совершение последними такого преступления, где первый совершает половой акт, а вторая содействует в выполнении объективной стороны преступления. Так, законодатель фактически называет соисполнителем группового изнасилования лицо женского пола, которое может оказывать содействие совершению преступления. Тогда как согласно диспозиции ст. 131 УК РФ в качестве субъекта преступления рассматривается лицо мужского пола. То есть по общему правилу в ситуации, когда совершается групповое изнасилование и лицо женского пола оказывает содействие совершению преступления (например, удерживает жертву) по правилам ст. ст. 33, 34 УК РФ должны быть квалифицированы следующим образом:

- мужчина – ч. 1 ст. 131 УК РФ (как исполнитель преступления);
- женщина – ч. 5 ст. 33 УК РФ; ч. 1 ст. 131 УК РФ (как пособник в совершении преступления).

Напротив, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ такое деяние должно быть квалифицировано в отношении мужчин и женщин по п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ (как соисполнители преступления).

Представляется, что обстоятельство, при котором содействие в совершении изнасилования квалифицируется как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, можно рассматривать в качестве исключения из общего правила, содержащегося в ч. 4 ст. 34 УК РФ. При этом данное обстоятельство стоило бы урегулировать в правовом поле,

дополнив указанную часть статьи словами «В качестве исключения признаются случаи, когда конкретной статьей Особенной части УК РФ предусмотрено иное. Тогда в примечании к ст. 131 УК РФ указать, что действия лиц, способствующих совершению полового акта, квалифицируются как совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой. Данное дополнение придало бы положениям Пленума Верховного Суда РФ более органичный вид.

Видится также, что преступление, предусмотренное ст. 131 УК РФ носит повышенную общественную опасность (неся собой физический и психологический вред потерпевшему лицу) и требует особого внимания со стороны законодателя и правоприменителей, а также более жесткого подхода к виновным в его совершении лицам.

Кроме того, следует обратить внимание на сложности в квалификации убийства совершенного в соучастии. Здесь в разграничении группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы необходимо руководствоваться положениями УК РФ. В ряде случаев на практике суды назначают ответственность за лица как участие в организованной группе, тогда как фактически отсутствовали необходимые признаки таковой.

Необходимо учитывать, что одним из отличных признаков организованной группы выступает её «устойчивость». Последняя может выражаться в наличии длительных преступных связей между участниками организованной группы.

В частности Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание на то, что в вопросе квалификации преступное сообщество или преступную организацию следует отличать от иных видов преступных групп по следующим признакам:

- более сложной внутренней структурой;

- наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды;
- возможностью объединения двух или более организованных групп с той же целью.

Стоит обратить также внимание на то, что в качестве убийства совершенного группой лиц следует также рассматривать случаи, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединилось другое лицо (другие лица).

При квалификации преступных деяний следует также учитывать вопросы множественности преступлений, а именно совокупности и рецидива преступлений.

Проблемы квалификации множественности преступлений заключаются в том, что при совершении «основного» преступления лицо выполняет также «дополнительные» преступные деяния.

Наряду с изложенным возникают проблемы квалификации при рецидиве преступлений. В литературе рассматривается проблема нарастающей тенденции излишней гуманизации ответственности рецидивистов, перед теми, кто впервые совершает преступление. Между тем, в рамках настоящего исследования была занята позиция тех, кто видит решение существующих проблем в совершенствовании действующего законодательства и более дифференцированного подхода в части установления ответственности рецидивистов.

При квалификации преступлений существуют также проблемы связанные с конкуренцией уголовно-правовых норм. Так, при конкуренции общей и специальной нормы правоприменителю необходимо соотнести их, определить какая из них является общей, а какая специальной. В итоге ответственность будет определяться в соответствии со специальной нормой. Не имеет при этом значения тот факт, какая из норм предусматривает более

тяжкое наказание – общая или специальная. Вместе с тем, в законодательстве прямо не говорится о конкуренции уголовно-правовых норм, но фактически предусматривается один вид таковой - конкуренция общей и специальной нормы.

В процессе соотнесения общей и специальной нормы, в качестве последней будет выступать та, признаки которой детальнее определяют совершенное деяние.

Выделяются также и другие виды конкуренции уголовно-правовых норм:

- изданных в разное время;
- национального и зарубежного законодательства;
- национального и международного законодательства.

Таким образом, необходимо продолжить исследование, такого основополагающего института как квалификация преступлений, с целью развития действующего законодательства. Подводя итог выпускной квалификационной работы, можно заключить, что поставленные в начале исследования цель и задачи были достигнуты.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.12.2018 № 4-АПУ18-41 [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справочно-правовая система.
2. Бойко А. И. Преступное бездействие. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2003. 320 с.
3. Досаева Г.С. Проблемы квалификации множественности преступлений // Полицейская и следственная деятельность. 2014. № 3. С. 31-47.
4. Дубинина М.И. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии сильного душевного волнения. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М, 1971. 16 с.
5. Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана прав граждан в сфере сексуальных отношений. М., 1995. С. 27-28.
6. Карабанова Е.Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 69-77.
7. Каранович М.К. Квалификация преступлений: понятие, особенности и проблемы // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 22. С. 161-166.
8. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.02.2013 № 81-О13-8 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
9. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2008 г. № 64-О08-40 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
10. Кобец П.Н. Общая характеристика объективной стороны преступления по действующему уголовному законодательству Российской Федерации // Международный научный журнал «Символ науки». 2017. № 02-2. С. 187-189.

11. Колосовский В.В. Ошибки при квалификации по объекту и предмету преступления // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: право. 2003. № 1(5). С. 22-27.
12. Констанян Ж. Актуальные проблемы квалификации рецидива преступлений и пути их решения // Синергия наук. 2020. № 12-14. С.12-14.
13. Крылова Н.Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 4. С. 26-43.
14. Курбатова А.О., Безверхов А.Г. Квалификация преступлений по субъекту и субъективной стороне состава преступления // Аллея науки. 2019. № 1(28). С. 648-653.
15. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976. 182 с.
16. Лебедев М.В. Проблемы квалификации преступлений по признаку субъективной стороны (на примере отдельных преступлений против жизни) // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 7. С. 171-175.
17. Макаров А.В. Особенности квалификации преступлений по признакам специального субъекта // Актуальные проблемы государственно-правового развития России. 2017. С. 89-96.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1: [1839-1844 гг.]. 696 с.
19. Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. Издательство «Юрлитинформ». Москва, 2010. 153 с.
20. Обзор судебной практики на тему «Вопросы квалификации: конкуренция, сложные преступления» [Электронный ресурс]. URL: http://kirovsk.krk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id (дата обращения: 08.06.2021).

21. Обзор надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2000 год // Консультант плюс: справочно-правовая система.

22. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.10.1993 [Электронный ресурс].URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/verhsud_big_232.htm (дата обращения: 37.04.2021).

23. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984. 175 с.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

29. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2005 № 306п05 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

30. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.03.2007 по делу № 771п06 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

31. Приговор № 1-158/2019 от 17 апреля 2019 г. по делу № 1-158/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VO0JlgkRVtri/> (дата обращения: 05.04.2021).

32. Приговор № 1-579/2014 1-73/2015 от 20.02.2015 по делу № 1-579/2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J0GiPPVp64Jk/> (дата обращения: 15.05.2021).

33. Приговор № 2-32/2019 от 28.06.2019 по делу № 2-32/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W2X41vTKKKHO/> (дата обращения: 20.05.2021).

34. Радякина А.И., Картавченко В.В. Проблемные вопросы квалификации и назначения наказания при рецидиве преступлений // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. 2017. С. 882-885.

35. Рарог А.И. проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М. : Проспект, 2015. 232 с.

36. Семенова Д.М. О квалификации множественности преступлений в условиях конкуренции норм // Юридическая наука. 2020. № 8. С. 61-64.

37. Сирик М.С. Состав преступления как правовая категория // филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Тихорецке. 2018. № 3. С. 64-72.

38. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А.И. Рарог - М. : Профобразование, 2001. 133 с.

39. Табатадзе С.Т., Армашова А.В. Актуальные вопросы квалификации преступлений по признакам объективной стороны // Евразийский научный журнал. 2017. № 1. С. 59-61.

40. Тарханов И.А., Гайфутдинова Р.Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 161-176.

41. Ткаченко В.Н. Квалификация убийства и причинение тяжких последствий, совершенных в состоянии сильного душевного волнения // Вопросы криминалистики. 1967. № 12. С. 39-49.

42. Третьяков И.Л., Жабин И.Ю. К вопросу о соотношении понятий «потерпевший» и «объект преступления» // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2 (56). С. 150-155.

43. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание второе переработанное и дополненное / Под ред. доктора юридических наук, профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, доктора юридических наук, профессора А.И. Рарога, доктора юридических наук, профессора А.И. Чучаева. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. 560 с.

44. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Консультант плюс: справочно-правовая система.

45. Фисенко Д.Ю. Вопросы квалификации соучастия со специальным субъектом : статья в сборнике трудов конференции. 2018. С. 214-219.

46. Ходжалиев С.А. Понятие состава преступления // Молодой ученый. 2016. № 10 (114). С. 1068-1070.